

**Вместе —
к Победе...**

Галина Копылова

Копылова Галина Георгиевна родилась на Кубани. Окончила филологический факультет МГУ, курсы журналистики, Народный университет при консерватории. Печататься начала в 1965 году в журнале «Октябрь». С тех пор вышли в свет её поэтические сборники: «Солнечное ожерелье», «Улыбка детства», «Ты создан для вечности», «Сорадуйтесь истине», «И свет, и радость, и любовь», «Пора чудес» и другие. Опубликованы две литературоведческие работы: «Живое древо русской литературы» и «Пушкин и Гоголь».

Печаталась в коллективных сборниках: «Народные родники», «Сезам, отворись», «От Москвы до Берлина», «Эхо Сталинграда», «Вместе — к Победе», «Поэтические находки» и других.

С 2001 по 2006 годы Копылова была литературным редактором издательства «Русский след». В 2005 году выступила как главный редактор книги «На юбилейной волне». С 2007 года является ответственным редактором серии воспоминаний выпускников филологического факультета МГУ «Время, оставшееся с нами». Стихи последних лет вошли в сборник «Дети Гиппократа».

1941–1945 годы

Навстречу раскатам ревущего грома
Мы в бой поднимались светло и сурово.
На наших знамёнах начертано слово:
Победа! Победа!!
Во имя Отчизны — победа!
Во имя живущих — победа!
Во имя грядущих — победа!
Роберт Рождественский. «Реквием»

Великие войны имеют начало, но не имеют конца. Они живут в слезах матерей и вдов, в горьком детстве сирот, в стонущих ранах солдат. Зарастают шрамы земли, плуг перепахивает поля сражений. Но в каждом рождённом до 9 Мая 1945 года живёт кровоточащий обломок прошедшей войны. Грохот Великой Отечественной войны, 65 лет назад покинувший мир, застыл в нашей памяти. И вдруг... от старой фотографии, от строчки стихов, от книги писателя-фронтовика, от честного фильма, последних встреч и расставаний ветеранов, от песен и снов возрождается грохот потревоженной памяти: взрывы снарядов и крики умирающих, свист бомб и рыдания матерей, рёв пожаров.

Время войны измеряется не тиканьем секундной стрелки, а человеческой жизнью и смертью, болью и кровью, человеческой любовью и ненавистью и нечеловеческой волей к Победе. Волей, собранной воедино, сфокусированной в одной точке и в конце концов испепелившей фашизм.

Время войны спрессовано: час, как год! Сколько же мучительных человеческих мгновений хранится теперь в тысяче четырёхстах восемнадцати сутках войны?! Девятое Мая 1945 года! Ровно 65 лет назад прозвучали праздничные залпы Победы.

Книги и книги, поэмы и элегии, мемуары и эссе — целое море пламенных строк посвящено ей.

Праздник Победы... День воспоминаний и размышлений, радостного ликования и светлой грусти по ушедшим, отдавшим жизнь за Родину. По-новому воспринимается сейчас стихотворение Расула Гамзатова «Нас двадцать миллионов». Оно стало ещё сильнее.

От известных до знаменитых,
Сразить которых годы невольны,
Нас двадцать миллионов не забытых,
Убитых, не вернувшихся с войны —

Нет, не исчезли мы в кромешном дыме,
Где путь, как на вершину, был непрям:
Ещё мы жёнам снимся молодыми
И мальчиками снимся матерям.

А в День Победы сходим с пьедестала,
И, в окнах свет покуда не погас,
Мы все, от рядовых до генералов,
Находимся незримо среди вас...

...Будь отвратима, адова година.
Но мы готовы на передовой,
Воскреснув, все погибнуть до единого,
Чтоб не погиб там ни один живой.

Последняя статистика утверждает, что погибло около 27 миллионов дочерей и сыновей нашей матери-родины. Сегодня мы должны прочесть: «Нас 27 миллионов» — и прислушаться к голосу их совести. Слишком велика цена Победы, чтобы растворить всё, совершённое народом в борьбе с фашизмом. Нравственный человеческий долг повелевает каждому из нас впитать в себя то, что пронесла, сохранила память народа.

Память, не смирившись с потерями, в то же время освободилась от первоначальной остроты горя, чтобы, вновь обретя широту зрения, отложить в прочный нравственный опыт. Десятилетиями мирной жизни выношенное чувство бессмысленности убийства, уничтожения укрепилось.

Целый поток честных, достоверных книг самих участников войны дают нам свидетельство высокого подвига народа. В 1969 году Б. Васильев написал повесть «А зори здесь тихие...» о событиях мая 1942 года. Двадцатисемилетняя дистанция отделяет время действия от времени её написания. Автор обстоятельно подчёркивает мысль о том, что подвиг, совершенный старшиной Вассковым и пятью девушками, высок и целесообразен. Название повести является откровенным контрастом и к общей картине войны, и к событиям самой повести. Ясно, что первозданная тишина должна взорваться, и тревога разрешается трагически. Жизнестойкость Федота Васскова непоколебима. Он заряжает своей энергией неопытных девушек, и они под его руководством побеждают 16 маститых немцев. Нам так знаком и понятен старшина со своими микрозаботами, и вдруг он преображается, когда возникает опасность. Новое заключается в той графической заострённости, с какой выявлен поединок одного человека с необъятной лавиной войны, которая обрушивается на него, как поединок силы созидательной и неизбежно разрушительной. Помогли и ловкость Федота, и опытность бывалого солдата, но главное — моральные мотивы: солдатский долг и ответственность за судьбы девушек. В напряжённой психологической дуэли Вассков побеждает.

По-новому освещены в повести обычные для военного времени события. Читая её, начинаешь понимать, что стоит за скромной цифрой «56 миллионов». Это изломанные судьбы, несостоявшееся счастья, нерождённые дети. «Стихи читала», — сказал старшина о погибшей Соне. А про себя подумал — не это главное: «...могла нарожать Соня детишек, а те бы внуков, а теперь не будет этой ниточки. Маленькой ниточки в бесконечной пряже человечества, перерезанной ножом...».

Гибель пяти девушек не бессмысленна: своими телами они действительно преградили дорогу врагу. Тем не менее читательское восприятие не привыкает к бесконечным убийствам, не притупляется, не смиряется. Наоборот, обостряется чуткость в неестественности смерти: «Ведь так глупо и несуразно было умирать в 19 лет».

Плохо вооружённые и необученные, девчата могли затаиться, уйти за подкреплением — но для них «не было бы оправдания, если приказ не выполнен». И потому очень естественными кажутся мысли Федота: «И не было во всём мире больше никого: лишь он, Враг и Россия».

Васков блестяще провёл операцию: 5 убитых и один раненый против 12 убитых, 4 взятых в плен. Однако сухие данные понятны, «пока война». «А потом, когда мир будет? Что ответить, когда спросят: что же вы, мужики, мам наших от пули защитить не могли!». Горькое восклицание старшины, потерявшего всех «сестрёнок», — скучное выражение солдатского горя.

Грустной нотой заканчивается повесть: «А зори здесь тихие, только сегодня разглядел. А чистые-чистые слёзы...».

О том, какой ценой досталась победа, Б. Васильев рассказал внятно, не боясь повторений. Малый сюжет накладывается на канву Большой Истории. Из маленьких ручейков возникает могучая река народного сопротивления.

О беспредельных возможностях людей, для которых чувство долга, защита Родины являются потребностью, — роман Ю. Бондарева «Горячий снег». Действие происходит в течение суток под Сталинградом. Время на войне спрессовано. Кажется, прошло 100 лет, целая Жизнь! Люди раскрылись в самой своей сути. Но артиллеристы во главе с лейтенантом Кузнецовым, измотанные боями, бессонницей, постоянным напряжением, находят силы снова и снова вступать в поединок с танками, идти в атаку, спасать товарищей. Горстка героев решает судьбу целого фронта и всей легендарной битвы.

Борис Васильев даёт убедительное, философское определение героизма: «Героизм есть высший взлёт человеческого духа, мгновение, когда человек становится нравственно-гениальным».

Названные слова полностью подходят к герою повести Б. Васильева «В списках не значился». Это лирическая исповедь Николая Плужникова. Лейтенант не успел приписаться к воинской части и по долгу совести стал последним защитником Бреста. Долгие месяцы он держал оборону Бреста, живя в подземелье без света и воздуха. В течение суток он прожил несколько жизней: умер в 20 лет седым и слепым, но героям. «Крепость же пала: она просто истекла кровью. Я последняя капля её...» — с горечью, но убеждённо заявляет Плужников. «Он был выше славы, выше жизни, смертью поправ».

Велика и устойчива власть Памяти народной. Раны войны никогда не зарубцаются.

В 1972 году была опубликована повесть «Сашка» — первое произведение Вячеслава Кондратьева, человека, прошедшего всю войну, известного художника-оформителя. Она стала по-длинным откровением, настоящим открытием о войне и получила высокую оценку современников.

Константин Симонов в предисловии к повести признаётся, что герой её стал для него другом на всю жизнь.

Эта повесть посвящена тому, перед кем советская проза ещё в большом долгу, — рядовому советскому солдату, простому труженику, чернорабочему войны, чей незаметный подвиг определил подвиг всего народа.

«Всем, воевавшим под Ржевом, — живым и мёртвым, посвящена эта повесть».

Эти слова предваряют начало и сразу же указывают место действия, где происходили одни из самых драматических событий войны, где шли упорные, кровопролитные и в общем-то неудачные бои.

Герою повести Сашке, маленькому солдату с «передка» — так называли передовую — трудности встречаются не только в боевой обстановке. Тут он как все, и для него существует только слово «надо», а раз «надо» — значит, «можно». «И Сашка понимал — надо, и делал всё, что приказано, как следует». Привычка делать «как следует», подчиняясь могучему «надо» — это ведь не так просто. Чтобы исполнить этот закон совести, необходимо было часто превозмогать себя, переживать страх, естественное желание уцелеть. Но нравственная сила героя Кондратьева проявляется чаще всего в том, что он делает сверх того, что требуют «надо» и «как следует».

Доведись Сашке убить немца в бою — наверное, не испытывал бы никаких мук совести. Война! Притерпелись ко всему, научились убивать. Тем не менее, когда Сашке приказывают расстрелять пленного немецкого солдата, он этого сделать не может. Теперь перед ним не враг на поле боя, которого не убьёшь — тебя убьёт, а безоружный человек. Кроме того, приказ о расстреле пленного противоречит его представлению о человечности, справедливости. Не может Сашка выстрелить в пленного, и мы знаем — не выстрелит. Это не только его моральная победа, когда комбат отменяет приказ о расстреле, это победа разума и человечности.

Мог же ведь раненый Сашка отправиться в медсанбат, но возвращается в роту, чтобы попрощаться с друзьями и сдать автомат. Всё это говорит о том, что совершилось сверх того, что было «надо»: это-то и ставило русского солдата на такую нравственную высоту, которая была непонятна и недоступна врагам.

«Образ Сашки, — писал К. Симонов, — в свои 20 лет человека идейного и несгибаемого во взглядах, дерзкого, храброго... такой образ советского солдата, действующего в самых тяжёлых условиях войны и не теряющего в ней ни своих принципов, ни своей человечности, кажется мне существенным приобретением нашей современной прозы. Больше того, мне даже кажется, что не прочитай я «Сашки», мне бы чего-то не хватало не в литературе, а просто в жизни. Вместе с тем, у меня появился ещё один вдруг полюбившийся мне человек. А с годами такие «вдруг» всё реже бывают, и всё дороже ценишь их».

В 1941 году на русскую землю пришла не просто армия неприятеля — хлынули силы хаоса и разлада, несущие смерть и разрушение, гибель всему, чем богата живая человеческая жизнь: началам Добра, любви, сострадания. Перед натиском немецкого фашизма не устояла Западная Европа. А наша страна устояла и спасла мир.

Цена Победы неизмерима! Жизнь всех тогда живущих была разрезана на две части: до войны и после войны. Как будто всё было до новой эры. День за днём... А их 1418 дней-ночей! Действия на фронте, события в тылу...

Повесть Ч. Айтматова «Материнское поле» — о жестокости и преступности войны, о чудовищных злодеяниях фашистов. Герой повести с ужасом смотрит на сожжённый эшелон, попавший под бомбёжку, с болью думает о тех, «кто ехал в этих вагонах, кто в дыму, в криках и пламени расстался с жизнью, о тех, кому оторвало руки и ноги, кто ослеп и оглох навеки... А ведь эти боли были лишь отголоском войны. Что же тогда она сама?».

Как актуально и глубоко символично звучит вопрос героини повести «Материнское поле» к матери-земле!

«— Скажи мне, мать-земля, скажи правду: могут ли люди жить без войны?

— Ты задала трудный вопрос, Толгонай. Были народы, бесследно исчезнувшие в войнах, были города, сожжённые огнём и засыпанные песками, были века, когда люди затевали войну, я говорила им: „Остановитесь, не проливайте кровь! Это не от меня — от вас, людей, зависит, от вашей воли и разума”.

— Как подумаешь, земля родная, ведь самых лучших тружеников твоих, самых лучших мастеров убивает война. Я не согласна с этим, всей жизнью не согласна! Могут люди, должны люди преградить путь войне!».

Этот диалог-протест — против утрат и страданий, против жертв, которые несёт война. Это беспощадный суд поджигателям войны, фашистам, полное отрицание зверской фашистской философии неотвратимости войны.

Сюжет главы «Война» поэмы «210 шагов» прост: молодой лейтенант «ускоренного» полугодового выпуска военного училища попадает сразу на фронт и гибнет в первом же бою! Как страшны были танки, идущие навстречу! Невозможно было выйти из «жёсткого кювета», но надо. Надо!

Встань, лейтенант!...
Слышишь, просят об этом,
вновь возникшая из небытия,
Дом твой,
пронизанный солнечным светом.

Город.
Отечество.
Мама твоя...
Встань, лейтенант!
Заклинают просторы,
птицы и звери,
снега и цветы...

Ясно слышится этот призыв-заклинание, и юный воин встаёт, а с ним рядом его однолетки. В этот момент я опять вспомнила Плужникова, когда он в день своего двадцатилетия вышел из катакомб Брестской крепости навстречу врагам. «Вышел — седой и слепой — но непреклонный, „смертью смерть поправ”».

Поэт Р. Рождественский очень понятно выразил мысль об эстафете поколений. Эти мальчики, встав в атаку, делают будущее, подготавливают космические подвиги:

Встань, лейтенант!...
...Просит из будущего
Гагарин.
Ты не поднимешься — он не взлетит.

Сама история просит встать в атаку и и защитить будущих людей и будущие события.

Самый острый момент действия врезается в память навсегда:

Встал
и пошёл на врага,
как вслепую.

(Сразу же сделалась
влажной спина.)

Встал лейтенант!..
И наткнулся на пулю.
Большую и твердую,
Как стена.

Вздрогнул он, будто от зимнего ветра.
Падал он медленно, как нараспев.
Падал он долго....
Ушёл он

мгновенно.

Он даже выстрелить не успел!

Поэт успел передать свои чувства читателю. Мне созвучны его чувства. Каждый из нас может сказать:

Он мне мерещится
ночью и днём —
Худенький мальчик,
Всего-то успевший
Встать
под огнём
И шагнуть
под огнём.

Наверное, это было очень важно — «шагнуть под огнём».

Обогнув Александровский парк и войдя в него, с волнением останавливаюсь у могилы Неизвестного солдата. Здесь горит Вечный огонь памяти. Здесь я всегда буду вспоминать и о полюбившихся героях.

Разве можно забыть лейтенанта из поэмы Р. Рождественского? Таким живым и милым он предстаёт перед нами. Вот он едет — спешит на фронт:

Он по дороге взросел —
этот мальчик —
Тонкая шея,
уши торчком...

Он мечтает, видит «голубые сны». Поэт резко меняет картины. Вдруг началась страшная реальность: «Раздаётся истошное: «Танки.. К бою!». В жизнь юноши ворвалась война, и всё резко изменилось:

...Воздух наполнился громом, гудением.
Мир был изломан, был искашён.
Это казалось ошибкой, видением,
странным, чудовищным миражом.

Эта картина кромешного ада войны нарисована ярко и немногословно. И танки, и «пыльные парни в серых мундирах» с автоматами ужасают своей неожиданностью.

Резко изменяется и герой поэмы. Автор находит столь удачные слова для его изображения, что хочется при чтении на каждом из них сделать логическое ударение, а списывая, — подчеркнуть:

Ёжась от близких разрывов гранат —
Чёрный, растрёпанный, онемевший, —
В жёстком кювете лежал лейтенант...

Мальчик лежал посредине России,
Всех её пашен, дорог и осин...

Он лежал в самом сердце России, оцепенев от страха. Но он — взводный, он отвечает за судьбы солдат, за судьбу боя и всей войны.

И тогда
встал лейтенант.

И шагнул по планете, выкрикнув не по уставу: «Айда!. Он выполнил свой долг, повёл за собой других и шагнул в бессмертие, спасая человечество.

Сегодня хочется ещё раз повторить вопрос поэта, встревоженного тем, что человечество накопило много оружия, взрывчатки, столько горячих точек не только за пределами страны, но и внутри:

Ну как теперь?
Живёт у вас в душе
надежда
этот шар земной
спасти?..

Каждый из героев войны может сказать о себе словами Роберта Рождественского:

Мы —
из бессмертья.
Из плоти твоей,
Россия!

Чем дальше от нас уходят события войны, тем важнее становятся книги о войне — источник достоверных сведений о её истории. Суд отдельной личности призрачен. Суд целого народа — вечен.

И опять у меня в голове возникают слова мудреца нашего века Расула Гамзатова, обращённые к нам:

Мы не забылись вековыми снами,
И всякий раз у Вечного огня
Вам долг велит советоваться с нами,
Как бы в раздумье головы клоня.

И пусть не покидает вас забота —
Знать волю не вернувшихся с войны,
Когда вы отличаете кого-то
Иль снова не прощаете вины.

И вы должны, о многом беспокоясь,
Пред злом ни шагу не подавшись вспять,
На нашу незапятнанную совесть
Достойное равнение держать.

Живите долго, праведно живите,
Стремясь весь мир к собратству сопричесть,
И никакой из наций не хулите,
Храня в зените собственную честь.

